

Константин Васильевич Лифанов

Доктор филологических наук, профессор, кафедра славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51.
E-mail: lifanov@hotmail.com

Альманах *Zora* как предвестник новой кодификации словацкого литературного языка

Статья посвящена анализу языка первых двух выпусков (1835, 1836) альманаха *Zora*, издававшегося в Пеште. Альманах занимает особое место в истории словацкого литературного языка, так как в нем впервые публиковались сочинения как на чешском, так и на бернолаковском литературном языке. Тексты альманаха являются важнейшим документом, свидетельствующим о приближающейся кодификации нового словацкого литературного языка на среднесловацкой диалектной базе, осуществленной Людовитом Штуром в середине 1840-х годов. Примечательно, что редактор двух первых выпусков альманаха Михал Годра фактически предпринял попытку кодификации отдельных элементов языка и выразил надежду на то, что авторы будут им добровольно следовать. Вместе с тем стратегия писавших на чешском языке протестантов и католиков, использовавших бернолаковский литературный язык, в отношении придания литературному языку среднесловацкого характера оказалась различной, поскольку первые обращались непосредственно к среднесловацкому диалекту, хотя при этом и сохраняли некоторые чешские элементы, давно утраченные словацкой письменностью, а вторые в значительной степени следовали кодификации Антона Бернолака, причем в ряде случаев употребляли такие элементы, которые реально в самом бернолаковском литературном языке отсутствовали. Языковой материал альманаха *Zora* позволяет также вскрыть причины последовавшей вскоре реформы кодификации Штура, который исходил исключительно из языковой системы северных говоров среднесловацкого диалекта, не учитывая реальную языковую практику. Компромисс между католиками и протестантами был достигнут в 1852 г., когда в словацкий литературный язык были включены такие среднесловацкие особенности, которые были представлены либо у католиков, либо у протестантов. Те же языковые элементы среднесловацкого происхождения, которые отсутствовали и у тех, и у других, но присутствовали в кодификации Штура, были выведены из литературного языка.

Ключевые слова: бернолаковский литературный язык, кодификация, чешский литературный язык, конфессия, реформа, основа литературного языка, среднесловацкий диалект

Цитирование: *Лифанов К.В.* Альманах *Zora* как предвестник новой кодификации словацкого литературного языка // Центральноевропейские исследования. 2020. Вып. 3(12) / гл. ред. О.В. Хаванова. М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2021. С. 288–307. DOI: 10.31168/2619-0877.2020.3.13

В начале XIX в. языковая ситуация в землях, населенных словаками, оставалась сложной. Общество в языковом отношении было разделено на две части в соответствии с конфессиональной принадлежностью. Католики использовали литературный язык, кодифицированный Антоном Бернолаком (1762–1813). Замечу, что в реальной практике бернолаковский литературный язык существенно отличался от кодификации А. Бернолака. Если литературный язык однозначно имел западнословацкий характер, то кодификация Бернолака содержала значительное количество среднесловацких элементов, каковые, однако, либо остались принадлежностью исключительно кодификации и не проникли в функционировавший литературный язык, либо первоначально начинали употребляться в бернолаковских текстах, но позже были вытеснены генетически западнословацкими элементами под влиянием традиционной докодификационной формы словацкой письменности, язык которой формировался столетиями путем постепенной словакизации чешского языка¹.

¹ Традиционно принято считать, что кодификация литературного языка фиксирует нормы, которые в нем сформировались. Данное утверждение релевантно для современных литературных языков, хотя и в них могут наблюдаться расхождения реальной нормы с существующей кодификацией, так как последняя может устаревать и таким образом отражать предшествующую норму. Это положение, однако, не обязательно является справедливым для периода становления кодифицированного литературного языка. Так, сопоставительный анализ большого корпуса реальных бернолаковских текстов с кодификацией А. Бернолака не подтверждает тезис о том, что в кодификации зафиксирована норма литературного языка, а в текстах отдельных авторов-бернолаковцев фиксируются отклонения от этой нормы. Массовое полное неприятие ряда кодифицированных А. Бернолаком элементов либо их использование только в начальный период существования литературного языка с последующей заменой другими элементами свидетельствует о том, что именно в текстах формируется норма, а кодификация отражает личные взгляды ее автора. Не случайно самому А. Бернолаку под давлением складывающейся нормы приходилось отказываться от некоторых из кодифицированных элементов, что отметила еще К. Габовштьякова

Между тем в среде словацких протестантов (последователей Евангелической церкви Аугсбургского исповедания) функцию литературного выполнял чешский язык, в котором, впрочем, также наблюдались явления словакизации, отличные от встречавшихся в вышеназванной традиционной форме. Отношения между представителями двух конфессий в течение длительного времени были довольно напряженными, по меньшей мере до издания в 1781 г. императором Иосифом II (1765/1780–1790 гг.)² эдикта о веротерпимости, но и после его принятия их контакты оставались чрезвычайно слабыми и никоим образом не влияли на общую языковую ситуацию. И лишь в первые десятилетия XIX в. появились свидетельства скорых существенных изменений.

Усиливавшаяся в это время мадьяризация подталкивала представителей разных словацких конфессий к совместным действиям с целью активизации национального движения, и местом первого значимого контакта между словацкими католиками и протестантами стали Буда и Пешт. Эти города, в 1873 г. объединенные в Будапешт, в то время являлись одним крупным центром словацкой культуры с достаточно многочисленным словацким населением. Так, по имеющимся — правда, более поздним — данным, в 1900 г. там проживало свыше 25 тыс. словаков и в окрестностях еще 21 тыс.³ По численности словацкого населения в абсолютном выражении Будапешт занимал второе место⁴ среди других городов. В это же время в Пресбурге/Пожони проживало чуть более 11,5 тыс., а в Кашше — чуть более 6,5 тыс., причем количество словаков там сокращалось.

(Nabovštiaková 1959). В связи с этим я различаю понятия «бернолаковский литературный язык (бернолаковщина)» и «кодификация А. Бернолака» (подробнее см.: Lifanov 2012/13). Под традиционной формой языка словацкой письменности я понимаю письменный язык, формировавшийся в юго-западной Словакии и прежде всего в Трнаве, однако не употребляю принятый в словакистике термин «культурный западнословацкий язык», предложенный Э. Паулини (Pauliny 1971: 60–74), поскольку из названного региона он распространился по всей территории Словакии и, по сути, выполнял функцию некодифицированного литературного языка.

² С 1765 по 1780 г. император Иосиф II был соправителем матери Марии Терезии, а после ее смерти стал полновластным правителем Габсбургской монархии.

³ Käfer 1997: 35.

⁴ Больше всего словаков проживало в Бекешчабе (на востоке современной Венгрии). В указанное время они численно заметно преобладали над венграми: по данным переписи 1880 г., в городе насчитывалось свыше 27 тыс. словаков и только 6,5 тыс. венгров.

Первый контакт между католиками и протестантами произошел в 1824 г. и имел важное практическое значение. Группа католиков родом из комитата Арва (словацк. Орава, ныне самый север среднесловацкого региона), служивших в государственных учреждениях Буды, во главе с видным общественным деятелем и организатором культурной жизни словаков Мартином Гамульяком (1789–1859) обратилась к наиболее влиятельному протестанту, проповеднику евангелической церкви в Пеште и выдающемуся поэту Яну Коллару (1793–1852) с просьбой оказать содействие в основании в Пештском университете славянской кафедры, так как его выпускники могли оказаться в районах, где население не владело венгерским языком. В результате этого возникали значительные сложности в их общении с пациентами.

Я. Коллар совместно с деятелями католического вероисповедания обратился к находившемуся в католическом центре Венгрии Эстергомме канонику Юраю Палковичу (1763–1835) — переводчику полного текста Библии на бернолаковский литературный язык и издателю пятитомного словаря А. Бернолака. Тот в свою очередь адресовался к примасу Римско-католической церкви Венгрии — эстергомскому архиепископу, кардиналу Шандору Руднаи (1761–1831), этническому венгру родом из Словакии, который прекрасно владел словацким языком и являлся членом Словацкого ученого товарищества, занимавшегося распространением бернолаковщины. Таким образом, в этом начинании приняли участие наиболее значимые деятели того времени, связанные со словацким языком. И хотя кафедра славистики была основана в Пештском университете только в 1850 г.⁵, можно говорить о начале диалога между словаками, принадлежавшими к разным конфессиям.

Следующим шагом Гамульяка стала попытка получить разрешение на издание общественно-политической газеты с литературным приложением, о чем в 1831 г. была подана официальная заявка в магистрат. Сделано это было, однако, в совершенно не подходящее время, поскольку годом ранее произошли революционные события во Франции, которые напугали правящие круги Австрийской империи, и М. Гамульяк получил категорический отказ. Три года спустя у него возникла мысль об издании надконфессионального, исключительно литературного журнала. С этой идеей он вновь обратился

---

⁵ Kiss 1998: 26.

к Я. Коллару, и 1 августа 1834 г. для воплощения в жизнь этого замысла в Пеште было создано Общество любителей словацкого языка и литературы, первым председателем которого стал Я. Коллар. В итоге Общество получило разрешение на издание литературного альманаха *Zora* («Заря»). Оно также занималось публикацией других трудов; в частности, им были изданы произведения крупнейшего поэта-бернолаковца Яна Голлого (1785–1849). Издателем альманаха *Zora* был М. Гамульяк, который опубликовал четыре выпуска альманаха в 1835, 1836, 1839 и 1840 г. В плане отражения тенденций дальнейшего развития словацкого литературного языка особый интерес представляют два первых выпуска, редактором которых выступил евангелический священник, поэт и языковед Михал Годра (1801–1874), поскольку в них в равной степени представлены тексты католических и евангелических авторов⁶. С 1831 до 1834 г. Годра служил воспитателем в семье графа Штанляйна в Пеште. Затем, после непродолжительных поисков работы, его в 1836 г. пригласили на должность директора евангелической гимназии в Врбас (область Бачка). Таким образом, во время подготовки к изданию двух первых выпусков альманаха *Zora* он располагал свободным временем и полностью посвятил себя редактированию этих выпусков, хотя формально даже не являлся членом Общества любителей словацкого языка и литературы (испытывал значительные финансовые трудности и не мог заплатить вступительный взнос).

М. Годра полагал, что для отстаивания национальных интересов словацкие католики и протестанты должны объединиться, в том числе и в языковом отношении, но объединиться они могли только на основе словацкого языка. Он писал, что словак по-чешски читать не желает, во всяком случае, читает без удовольствия, и что словацким протестантам ближе словаки-католики, чем чехи. Объединения же можно было достичь только с помощью компромисса: бернолаковцы должны отказаться от каких-то языковых элементов бернолаковщины так же, как протестанты должны исключить из своего языка чисто чешские формы⁷.

---

⁶ После отъезда М. Годры из Пешта между членами Общества католического и евангелического исповедания оживились дискуссии по языковым вопросам. Вследствие этого Общество покинули несколько евангеликов, а альманах в 1837 и 1838 гг. не был подготовлен. В 1839 г. вышедший третий том был исключительно на бернолаковщине, а в последнем томе 1840 г. тексты на бернолаковщине очевидно преобладали.

⁷ Čechvala 1970: 122.

Альманах *Zora* стал первым изданием, где одновременно печатались произведения на бернолаковщине и на чешском языке. Языку его авторов до настоящего времени были посвящены всего лишь две статьи⁸. Изучение же реального функционирования бернолаковщины и усиление сопоставительного анализа языка католических и евангелических авторов альманаха *Zora* позволяет несколько иначе на него взглянуть и даже установить механизм создания текстов. Таким образом, сопоставительный анализ языка разных авторов альманаха *Zora* и является объектом данного исследования. К анализу привлекаются все относительно объемные прозаические сочинения, опубликованные в первых двух выпусках альманаха, причем по одному произведению автора⁹. В итоге были изучены тексты четырех бернолаковцев (Я. Голлый, М. Гамульяк, д-р Оттмайер, Я. Геркель) и трех евангеликов (А. Палуцкий, К. Шнелл, М. Сухань). Для соблюдения пропорции и в связи с тем, что М. Годра являлся редактором этих выпусков, анализируется также язык его рифмованного сочинения «Вешшеленьи на Муране» — единственного относительно объемного поэтического произведения в указанных выпусках. Сразу отмечу, что язык тех и других имел характерные отличия от типичных бернолаковских и чешских текстов. Удивительным представляется тот факт, что как в чешские, так и в бернолаковские тексты включались не только общесловацкие языковые элементы, но и элементы, распространенные либо преимущественно, либо исключительно в среднесловацком диалекте.

М. Годра осознавал объективный характер этих нововведений, что следует из такого его утверждения: «Хотя я никого не призываю следовать за мной, но я все же убежден, что многие признают предлагаемые изменения»¹⁰. В этой связи он опубликовал в первом томе альманаха указания авторам, что, по сути, представляло собой элементы предкодификации нового литературного языка. М. Годра предложил следующее:

во-первых, заменить флексию ж. р. *-e* на *-a*, например: *moja duša, naša práca, vaša bohyňa*, а в вин. пад. ед. ч. у этих же существительных употреблять окончание *-u*: *našu prácu, tvoju bohyňu*; в тв. пад. ед. ч.

⁸ Nabovštiaková 1970, Лифанов 2010.

⁹ Некоторые авторы опубликовали по два или более произведений, из которых было выбрано одно, так как это было достаточно для характеристики их языка.

¹⁰ *Godra M. Osvědčení // Zora. W Budíňe: literami Kral. univers. Tiskárňe, 1835. S. 284.*

у всех существительных ж. р. без исключения использовать окончание *-ou*: *našou prácou, útlou radost'ou*¹¹;

во-вторых, сущ. м. р., оканчивающиеся на *-a*, склонять следующим образом: *toho patriarch u, -ovi, -u, -om*; все одуш. сущ. м. р., оканчивающиеся на согласный, в вин. пад. ед. ч. оканчивать на *-a*, например: *vůdca, pitača, sršňa*;

в-третьих, сущ. ср. р., заканчивающиеся на *-í* в род. пад. ед. ч., оканчивать на *-ja*: *toho náradja, od narozenja, za živobitja*;

в-четвертых, глаголы, в 1-м л. ед. ч. оканчивающиеся на *-ím*, в 3-м л. мн. ч. оканчивать на *-ja*, например: *vidja, činja, letja*; оканчивающиеся же на *-ám*, сохраняют *-a* в повел. накл., например: *volaj, daj, maj*;

в-пятых, причастия употреблять с окончаниями *-í, -á, -é*, например: *volající, cá, cé; volavší, šjá, šjé*¹².

Как показывают тексты, внесенных элементов (средне)словацкого происхождения в чешских текстах, опубликованных в альманахе *Zora*, оказалось существенно больше.

Полагаю, что авторы-протестанты при написании текстов руководствовались рекомендациями М. Годры, хотя он мог и собственно ручно вносить изменения в тексты, написанные на чешском языке, причем даже без согласования с авторами. Так, например, известна крайне негативная реакция видного поэта Карола Кузмани (1806–1866), выступавшего за языковое единство чехов, моравян и словаков, на языковую правку его стихотворения «Песнь простонародная»¹³. Вероятно, слишком радикальные языковые изменения явились причиной того, что уже через год пост председателя Общества любителей словацкого языка и литературы покинул Я. Коллар, который также был сторонником языкового единства. Председателем стал учитель евангелической школы в Пеште Л. Есенский¹⁴. Из характера вносимых изменений видна стратегия модификации чешского языка в текстах протестантов: стремление отразить в нем общесловацкие и ряд среднесловацких особенностей при сохранении некоторых специфических особенностей чешского языка. Таким образом, язык

¹¹ Изменение дифтонга *ou* на долгий монофтонг *ú* при сохранении окончания *ou* в формах *тв. пад. ед. ч. имен. ж. р.* и распространение его на формы с функционально мягким согласным основы является характерной чертой среднесловацкого диалекта.

¹² *Godra M. Osvědčení. S. 283–284.*

¹³ Čechvala 1970: 125.

¹⁴ Vyvíjalová 1970: 64.

текстов авторов-протестантов не отражал тенденции предшествующего развития словацкой письменности¹⁵, а представлял собой гибрид современного чешского языка и среднесловацкого диалекта.

Иной языковой характер имели тексты католических авторов альманаха *Zora*. В них также усиливалась среднесловацкая составляющая, однако практически лишь в рамках кодификации А. Бернолака. Хотя в кодифицированном им словацком литературном языке преобладали общесловацкие и генетически западнословацкие элементы, в значительной степени были представлены и среднесловацкие, однако их употребление допускалось главным образом лишь при наличии основных элементов западнословацкого происхождения. На практике многие кодифицированные среднесловацкие элементы либо не употреблялись вовсе, либо с течением времени были вытеснены соответствующими элементами западнословацкого происхождения¹⁶. Авторы же бернолаковских текстов альманаха *Zora* следовали кодификации А. Бернолака в значительно большей степени, чем это наблюдалось в действительности. Иными словами, в них обнаруживаются такие среднесловацкие элементы, которые в бернолаковском литературном языке отсутствовали, а были представлены только в кодификации. Такие различия в стратегии создания текстов приводили к тому, что в письменном языке и протестантов, и католиков усиливался удельный вес среднесловацких элементов, но сближение при этом было лишь частичным, так как вносимые в тексты среднесловацкие элементы не всегда совпадали. Кроме того, существенные различия сохранялись на уровне графики и орфографии, несмотря на то что бернолаковские тексты в альманахе печатались антиквой, а не типичным для них готическим шрифтом.

К характерным графическим особенностям текстов авторов-протестантов в альманахе *Zora*, возможно, отражающим звуки, присутствовавшие в их речи¹⁷, относится сохранение в них графем ř и ě,

¹⁵ Подробнее см.: Лифанов 2000.

¹⁶ См.: Лифанов 2012/2013.

¹⁷ В настоящее время достаточно сложно сделать вывод о том, как в действительности говорили образованные представители евангелической конфессии, считавшие чешский язык своим литературным языком. Маловероятно, что они использовали родные диалекты. Вместе с тем известна информация о речи словаков в Пеште, содержащаяся в одном из писем соратника Я. Коллара Я. Кадави, в котором он сообщил, что чешские книги читают только полубогемизированные евангелические священники, которые чешского не знают, и даже сам Я. Коллар читает проповеди на какой-то габарцине, которую невозможно назвать ни чешским, ни словацким языком (Dvončová

типичных для чешской графики¹⁸. Указанные графемы представлены в текстах всех авторов. Ср. примеры:

<...> že jak vůbec ve vnítérnostech země, tak i v střevách zdejší půdy někdy zavřené povětrí, jeskyňe vydulo¹⁹.

Jerzy a Jelka se *srdčně* milovali a otců svých ve vrúcím *práteleství* žiti vidúc, na tom nic nepochybovali, že časem i tito jim *přivolení své udělja*²⁰.

<...> tu na pastýrskou hůl *podepřen* wesele si *propěwuge*²¹.

Když ste Turků *květ*, jak bujnost trávy / Se mnou na víc místach kosili <...> Tam sme proti Turku pohromnému / Drahú vlast *před* pádem bránili²².

<...> что как в целом внутри земли, так и в недрах здешней почвы когда-то закрытые ветра выдули пещеры.

Ежи и Елка горячо любили друг друга и, видя, что их отцы живут в искренней дружбе, ничуть не сомневались, что со временем они дадут им свое согласие.

<...> здесь, опершись на пастуший посох, он весело напевает.

Если вы цвет турок, как буйную траву, со мной на многих местах косили <...>. Там мы против турка, приносящего беды, защищали дорогую родину от гибели.

Обнаруживаются и отклонения от чешского языка, например при обозначении *ř*, причем как гиперкорректного характера (реже), так и необозначение реально представленного в чешском слове звука; ср. примеры:

Brzo sem zpozoroval na něm v dalekosti světly blesk, jehož kolo, na kraji nepřehledného tohoto moříčka, vždy více *rozširovalo*» (лит. rozšiřovalo)²³.

Pro útlejších hostů jest k tomu cíli připraven pohodlný, ve vodě plávající, *strechou* (лит. střechou) *přikrytý* kúpelní ustav²⁴.

Po *večery* (лит. večeri) Jerzy mezy úpřímnými vínš s otcem odšel domů²⁵.

A již vše se hemží po *táboře* (лит. táboře), / A paloše páše ku boku²⁶.

Быстро я заметил на нем вдалеке светлую вспышку, очертание которой на краю этого необъятного моря постоянно расширялось.

Для изнеженных гостей там есть удобная, плавающая в воде, покрытая крышей лечебная купальня, предназначенная для этой цели.

После ужина Ежи между искренними поздравлениями ушел домой с отцом.

И все уже суетятся в лагере и сабли вешают на бок.

1971/1972). В связи с этим ответить на вопрос, относятся ли рассматриваемые графемы исключительно к области графики или они все же обозначают звуки, реально представленные в фонетической системе данного гибридного идиома, практически невозможно.

¹⁸ В действительности орфографических различий в чешских и бернолаковских текстах альманаха *Zora* значительно больше, однако другие такие расхождения я в данной статье не рассматриваю, так как они не отражали отличий в фонетической системе.

¹⁹ Šnell K. Pamatnosti Blatoňa // Zora. 1836. S. 240.

²⁰ Palucký A. Jelka // Zora. 1835. S. 259.

²¹ Szuhány M. Odplata za prorocwtj // Zora. S. 159.

²² Godra M. Vešelini na Muráni. S. 235–236.

²³ Šnell K. Pamatnosti Blatoňa. S. 235.

²⁴ Ibid. S. 248.

²⁵ Palucký A. Jelka // Zora. 1835. S. 259.

²⁶ Godra M. Vešelini na Muráni. S. 239.

Takhle, s dvěma jen pannámi, / *Rybárskú*
(лит. rybářskou) sjět' při potoku, / Pstruhy
lovit zátokami²⁷.

<...> nebo gmená *cisárů* (лит. císařů), králů,
a památky gegich gednánj w obyčegných
dégpisech naznačené, gsú gen púhé všeo-
becnosti národu²⁸.

Po polední vezmúc své pletoihly, Jerzyho
dárek (лит. dárek), šla do záhrady²⁹.

Při středním do něho vchodu stojí no-
vovystavené maďarské divadlo, v němž
každé léto přes kúpelní čas košické *heřeké*
(лит. herecké) tovaryšstvo hostů krato-
chvíl³⁰.

když pře³¹ dogné krawy trávu aneb dozrelé
žito žne³².

И так лишь с двумя девушками и ры-
боловной сетью у ручья ловить форель
в заводи.

<...> потому что имена императоров,
королей и упоминания об их деяниях
в обычных описаниях — это всего лишь
поверхностный слой в истории народа.

После полудня, взяв свои спицы, пода-
рок Ежи, она пошла в сад.

У среднего входа в него стоит вновь по-
строенный венгерский театр, в котором
каждое лето во время купального сезона
гостей развлекает кошицкое актерское
сообщество.

когда она жнет траву или спелую рожь
дойным коровам.

В бернолаковских текстах, естественно, указанные графемы от-
сутствуют.

Наиболее существенной особенностью, сближающей берно-
лаковские и чешские тексты альманаха *Zora* и демонстрирующей
направление дальнейшего развития словацкого литературного
языка, является наличие в них, хотя и непоследовательное, восхо-
дящих дифтонгов, отсутствующих как в бернолаковщине, так и в
чешском языке. При этом выявляются и существенные различия
в стратегии авторов при создании текстов. Авторы-протестанты
обращаются непосредственно к среднесловацкому диалекту, в свя-
зи с чем в их текстах широко отмечаются дифтонги *ie* и *ia* и спора-
дически *uo*; ср.:

Pod ňou malý stolík: okolo něho z *bjélé*
březy lavice³³.

její *večernjá tvoňa* padá na vlny této velké
polské řeky³⁴

Под ней столик, около него скамья из бе-
лой березы.

ее вечерняя тень ложится на волны вели-
кой польской реки

²⁷ Ibid. S. 234.

²⁸ *Szuhány M.* Odplata za prorocत्वj. S. 162.

²⁹ *Palucký A.* Jelka. S. 254.

³⁰ *Šnell K.* Pamatnosti Blatoňa. S. 250.

³¹ В чешском языке представлен предлог *pro*, которому соответствует словацкий предлог *pre*.

³² *Szuhány M.* Odplata za prorocत्वj. S. 159.

³³ *Palucký A.* Jelka. S. 253.

³⁴ Ibidem.

<...> kde, obzvláště v Kemnicerovském, dle pěkného vkusu vystaveném *kaštelji* vážnější *hostja* vždy s vřídlost'ou a krajinskou hostinnost'ou vítání bývají³⁵

Tam, kde mezy starožitnými wrchy Slowan od mnohých stoletj bydlj; kde po kwětújích horách mládenec *bjéle* woly pase³⁶.

Přjpadnost táto gest swědkem času a *okolja* swého³⁷.

Silnějšjár nad meč ostrý láska? / *Krajšjéli* nad palmy hrdinské / Ruže lásky?

<...> где, особенно в кемницеровском, в замке, построенном в изысканном вкусе, гостей всегда принимают радушно, с местным гостеприимством

Там, где среди древних холмов в течение многих веков живет славянин, где по цветущим горам парень пасет белых овец.

Обстоятельство это есть свидетельство своего времени и окружения.

Любовь сильнее острого меча? Розы любви красивее героевских пальм?

Между тем в бернолаковских текстах прежде всего обнаруживается дифтонг *ie*, значительно реже — дифтонг *ia*, и полностью отсутствует дифтонг *uo*. Этот факт объясняется тем, что в кодификации А. Бернолака представлены формы и лексемы только с дифтонгом *ie*, хотя в реальных текстах не фиксируются и они. При этом в соответствии со сложившейся бернолаковской нормой Я. Голлый сохранил типичную для этого литературного языка бездифтонговость. Ср. примеры:

Riedká zagist'e Wel'komiselnost'³⁸;

<...> dal mu všecké Role *zasiát*, a do Sípárne *Zbožja* hogňe nasipat'³⁹.

<...> ňeweda guž Ňěrát'el čeho sa lapit', *striel'al* gednostagně⁴⁰.

<...> ale mu i to nič ňespomáhalo, že *Stawaňia* všecké, ačprávě Sindlom prikrité, šťastně ochráňené od Ohňa⁴¹.

<...> a tak zbúrene národí mesta svoje juž juž ku rozvijaniu⁴² sa ručice, zborili, v popol obrátili, a ten popol ješte svoju kervu <...> *poljevali*⁴³.

Поистине редкое великодушие!

<...> он дал ему так много, чтобы засеять все поля и засыпать полный амбар.

<...> враг, уже не зная, за что уцепиться, постоянно стрелял.

<...> но ему не помогало даже то, что все строения, хотя и покрытые черепицей, были надежно защищены от огня.

<...> и таким образом восставшие народы, города которых вот-вот должны были начать развиваться, разрушили их и обратили в пепел, и этот пепел еще и поливали <...> своей кровью.

³⁵ Šnell K. Pamatnosti Blatoňa. S. 251.

³⁶ Szuhány M. Odplata za prococtw. S. 159.

³⁷ Ibid. S. 166.

³⁸ Ottmayer, Dr. Příklad Wel'komiselnosti a Člowečenstwa // Zora. 1836. S. 199.

³⁹ Ibid. S. 208.

⁴⁰ Hamulják M. Mikuláš Jurišič w Kisežu // Zora. 1836. S. 147.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Не исключено, что в данной словоформе зафиксирован дифтонг *iu*, хотя возможно, что при помощи графемы *i* обозначается мягкость предшествующего согласного.

⁴³ Herkel J. Préměna // Zora. 1836. S. 209.

<...> paloše ktere donesli ai teraz na povale *višja* pre večnú potomkom smutnej kuruckej vojni *pamjatku*⁴⁴.

<...> сабли, которые они принесли, и сейчас еще висят под потолком как вечная память потомкам о печальной куруцкой войне.

Еще более наглядно разная стратегия авторов-бернолаковцев и пишущих на чешском языке проявилась при образовании форм причастий на *-l* муж. р. ед. ч. глаголов с основой на согласный. Ни один из авторов не употреблял чешские формы со слоговым *l* в конце словоформы типа *mohl*. При этом авторы-протестанты последовательно образовали названные формы при помощи вставного гласного *o*, что является единственно возможным способом в среднесловацком диалекте; ср.:

Jerzy otca so synovskou vrúcnosťou povýboskávav, do hyntova *sadol*⁴⁵.

Ежи, с сыновьей нежностью поцеловал отца, сел в коляску.

Až po malé době celý kruh slunca velebně se nad jazero *vyzdvihol* a stříbrným svým bleskem spechavé vlny široko daleko *pot'áhol*⁴⁶.

Спустя некоторое время весь солнечный диск величественно поднялся над озером и во всю ширь охватил своим серебряным блеском спешащие волны.

Tu nenadále *upadol* sem do nemoci, která na odpor i najmäďreji zřízeným lékům, dlúhotrwajicou se stala⁴⁷.

Тут я внезапно заболел, и болезнь, несмотря на благообразно подобранные лекарства, оказалась продолжительной.

“V mé jsi moci, krásná ukrutnica, / Dí on — zámkem bych si odvážit / Tě dát *mohol*”⁴⁸.

“Ты в моей власти, прекрасная злодейка! — говорит он. — Но я бы мог тебя обменять на замок”.

Иная картина представлена в языке бернолаковцев. Как известно, Бернолак кодифицировал рассматриваемые формы со вставным гласным *o*⁴⁹, однако в языковой практике их вытеснили формы со вставным *e*⁵⁰. В альманахе *Zora*, однако, вновь появились кодифицированные Бернолаком формы, хотя и наряду с традиционными:

<...> od ktorého Listem Dňa 23 Brezňa Roku 881 daním pot'ešugící Odpowed' *ob-sáhol*⁵¹.

<...> от которого в письме от 23 марта он получил утешительный ответ.

⁴⁴ Ibid. S. 215.

⁴⁵ *Palucký A.* Jelka. S. 259.

⁴⁶ *Šnell K.* Pamatnosti Blatoňa. S. 235.

⁴⁷ *Szuhány M.* Odplata za prorocत्व. S. 160.

⁴⁸ *Godra M.* Vešělni na Muráni. S. 244.

⁴⁹ Pavelek (pripr.) 1964: 215.

⁵⁰ Лифанов 2012/2013: 257–258.

⁵¹ *Hollí G.* Životopis SS. Cirilla a Metóda // *Zora*. 1835. S. 148.

<...> kďe Slobodu Omšu a iné Službi božej we Chráme slowenskú Rečú wikonáwat' *obsáhel*⁵².

<...> *privľekol sa* ai starši moj Sin Pavel z vojni, a mladši ješte predtim domov *utjekol* od Kurucov, ozbrojeni⁵³.

<...> Na tento krik kdo *mohel* utekati, a so sebou nečo pobrati, pobral, a utjekal⁵⁴.

Slzi predca d'et'inskég Radost'i skrit'i naskrze *ňemohol*⁵⁵.

<...> wiěš-li gako som do hlubokég Priéko-pi *ňebezpečne wpaďel*?⁵⁶

<...> i *ňezadľúho wťáhol* do Tábora pri Moháci w baraňskég Stolíci, kďežto pred šestima Rokmi onnú pamatnú Bitku proti nám bol *zwéďol*⁵⁷.

<...> где он получил возможность совершать в храме мессу и другие богослужения на славянском языке.

<...> возвратился с войны и мой старший сын Павел, а младший еще раньше убежал домой от куруцев, оба с оружием.

От этого крика кто мог убежать — убежал, и что он мог с собой забрать — забрал.

Все же слезы детской радости он никак не мог скрыть.

<...> знаешь ли ты, как опасно я упал в глубокую яму?

<...> и через некоторое время он вошел в лагерь у Мохача в Бараньском комитате, где шесть лет назад он воевал против нас в той памятной битве.

Чертой преимущественно среднесловацкого характера, сближающей язык всех авторов альманаха *Zora*, является наличие в нем мягкого *ľ*. При этом все католики-бернолаковцы, за исключением Я. Геркеля, и лютеране-евангелики К. Шнелл и А. Палуцкий вводили этот звук в письменный язык по тем же самым причинам. Первые возвратились к кодификации А. Бернолака, хотя при практическом использовании литературного языка этот звук с течением времени выпал из его фонетической системы⁵⁸. Протестанты же напрямую обратились к среднесловацкому диалекту⁵⁹. Ср. примеры:

1.

Suleiman *wel'ikí*, tureckí Císar, pod ktorého čtiricat' i šest'iročném Panowáňiem Občanstwo turecké nagwetšú Moc a Wládu nabudlo⁶⁰.

Сулейман Великий, турецкий император, за сорок шесть лет правления которого турецкое общество достигло наивысшей силы и могущества.

⁵² Ibid. S. 150.

⁵³ *Herkeľ J.* Préměna // *Zora*. 1836. S. 215.

⁵⁴ Ibid. S. 213.

⁵⁵ *Ottmayer, Dr.* Příklad Wel'komiselnost'i a Čłowečenstwa. S. 206.

⁵⁶ Ibid. S. 206.

⁵⁷ *Hamulják M.* Mikuláš Jurišič w Kiseđu. S. 143.

⁵⁸ Лифанов 2012/2013: 260

⁵⁹ Указанный звук является типичным и для восточнословацкого диалекта, который, однако, в формировании словацкой письменной традиции участия практически не принимал.

⁶⁰ *Hamulják M.* Mikuláš Jurišič w Kiseđu. S. 143.

Wen z Mesta s Kňazmi a z *Ludem* naproti
gím wišol a uctiwo prigal⁶¹

Ku Duchowénstwu *Wól'u* magičích Luďí
urídění bol⁶².

Он вышел из города вместе со священни-
ками и народом и с почетом их принял.

Он относился к людям, предназначен-
ным к духовному званию.

2.

“Ach, odpověděla Jelka, mužové, co
doma *zalúbili*, tím, jinde něco milšího
naleznúce, opovrhnutí!”⁶³.

<...> že tisíce sem do *kúpeľa*
každoročně se zhromažďujících hostů
v této výborné štávici se kúpavaji?⁶⁴

“Ах, — ответила Елка, — мужчины пренебре-
гут тем, что дома, найдя в другом месте что-то
более дорогое”.

<...> что тысячи ежегодно приезжающих сюда,
на курорт, гостей купаются в этой великолеп-
ной, богатой минеральными солями воде?

Вместе с тем, несмотря на сближение языка авторов разного вероис-
поведания, сохранялись и значительные различия между ними, объяс-
няемые разными письменными традициями. В качестве примеров при-
веду 1) наличие звука *dz*, характеризующего практически все словацкие
диалекты и отличающего их от чешского языка, в языке католиков и его
отсутствии у протестантов; 2) наличие флексии *-ou* в формах тв. пад.
ед. ч. имен и некоторых местоимений у протестантов, характеризующее
среднесловацкий диалект, и, напротив, флексии *-í*, выступающей в за-
паднословацком диалекте и соответственно в текстах католиков. Ср.:

1.

<...> abi s timato dwoma Biskupí predme-
nowaní Arcibiskup iních Biskupow poswá-
cať, a na Místa súcé *dosádzať* mohel⁶⁵.

Suleiman veľikí, tureckí Císar, pod ktorého
čtiricat' i šesťročném Panovániem Občan-
stwo turecké nagwetšú Moc a Wládu na-
budlo, *medzi* ginimi Kragnámi, gak známo, i
do Uhorskég castokrát'e wpadal⁶⁶.

<...> a z veľikím Pot'ešením do Mesta ***
kd'e watšé Skoli *sa nachádzagú*, pospíchal⁶⁷.

<...> чтобы с этими двумя епископами
вышеназванный архиепископ мог других
посвящать в епископы и назначать их
на соответствующие места.

Сулейман Великий, турецкий импера-
тор, за сорок шесть лет правления ко-
торого турецкое общество достигло
наивысшей силы и могущества, в числе
других стран, как известно, часто напа-
дал и на Венгрию.

<...> и с большой радостью он спешил
в город ***, где находятся лучшие школы.

⁶¹ *Hollí G.* Žiwotopis SS. Cirilla a Metóda. S. 144.

⁶² *Ottmayer, Dr.* Príklad Weľkomiselností a Člowečenstwa. S. 193.

⁶³ *Palucký A.* Jelka. S. 256.

⁶⁴ *Šnell K.* Pamatnosti Blatoňa. S. 249.

⁶⁵ *Hollí G.* Žiwotopis SS. Cirilla a Metóda. S. 147.

⁶⁶ *Hamulják M.* Mikuláš Jurišič w Kiseĝu. S. 143.

⁶⁷ *Ottmayer, Dr.* Príklad Weľkomiselností a Člowečenstwa. S. 192.

<...> kdiž Ālovek Āerstvo *rozsudzuje*, ku svetlu veĀnemu sa približuje⁶⁸.

Skrovný prameň šeptavé se *pomezy* roztrúšená bndoviska (!) toĀi a vesnicu *mezy* dva šlachtice dĀlĀ⁶⁹.

Kdykoli sem *se* totiž v takové době za rána na břehu *procházel*⁷⁰.

Wysušené tělo a rúcho děrawé chudobu a nedostatek *prozrazowaly*⁷¹.

Cuzú zavrhná radu, / Vystup zhůru do hradu⁷².

<...> когда человек здраво рассуждает, он приближается к вечному свету.

Незаметный источник тихонько течет между разбросанными постройками и делит деревню между двумя дворянами.

Всякий раз, когда я ранним утром гулял по берегу.

Иссушенное тело и дырявая одежда выдавали бедность и отсутствие достатка.

Отвергнув чужой совет, поднимись вверх к граду.

2a

Petrohrad k dosažení těchto cílů ovšem byl *výbornou školou*⁷³.

Mezy rozličnými rybámi, které Blatoň chová, přede všemi Zubatica (*Perca lucioperca*, Záhmfisch) svým chutným mäsém a *sojjou neobecností*ou zmínku zasluhuje⁷⁴.

Pozůstalú částku ukrutné noci mezy strachem a *náděgou* o lose svých milých a svého gměnja nešťasnĀci strávil⁷⁵.

Opustite krále svého / A Āarujte s *našou zástavou* / Ten praporec žluto-Āerný⁷⁶.

Петербург для достижения этих целей был бы отличной школой.

Среди разнообразных рыб, которые водятся в Балатоне, особого внимания заслуживает прежде всего судак (*Perca lucioperca*, Záhmfisch) из-за своего вкусного мяса и своей необычности.

Остаток ужасной ночи несчастные провели между страхом и надеждой, тревожась за судьбу своих дорогих и своего имущества.

Оставьте своего короля и замените нашим знаменем этот желто-черный флаг.

2b

<...> kĀe Slobodu Omšu a iné Službi božé we Chráme *slowenskú ReĀú* wikonáwat' obsáhel⁷⁷

<...> a tak Jozef z *mal'ičkú* geďiĀe *Pomocú*, aĀe z veľikím DúfáĀim na Āoha, a dobrích Luďí, od milých RoďiĀow <...> sa odlúĀil⁷⁸.

<...> где он получил возможность совершать в храме мессу и другие болгослужения на славянском языке.

<...> и так Йозеф с небольшой лишь помощью, но с великой надеждой на Бога и добрых людей <...> расстался с дорогими родителями.

⁶⁸ *Herkeľ J.* PrĀmena. S. 210.

⁶⁹ *Palucký A.* Jelka. S. 253.

⁷⁰ *Šnell K.* Pamatnosti BlatoĀa. S. 243.

⁷¹ *Szuhány M.* Odplata za proroĀtwj. S. 161.

⁷² *Godra M.* VešelĀni na Muráni. S. 246.

⁷³ *Palucký A.* Jelka. S. 257.

⁷⁴ *Šnell K.* Pamatnosti BlatoĀa. S. 245.

⁷⁵ *Szuhány M.* Odplata za proroĀtwj. S. 165.

⁷⁶ *Godra M.* VešelĀni na Muráni. S. 247.

⁷⁷ *Hollí G.* Žiwotopis SS. Cirilla a Metóda. S. 150

⁷⁸ *Ottmayer, Dr.* Příklad Welkomiselnosti a ĀloweĀenstwa. S. 192.

<...> a sám po troch Ďňoch nasledowl ho z *hlavniú Silú* Wogska⁷⁹.

<...> a ten popol ještě *svoju kervu* <...> poljevali⁸⁰.

<...> kdiž ma kuruci v Zhorelisku dolu *hlavov* na konar zavesili⁸¹.

<...> и сам спустя три дня последовал за ним с главными силами войска.

<...> и этот пепел еще своей кровью <...> поливали.

<...> когда меня куруцы вниз головой на сук повесили.

Тексты альманаха *Zora* 1835 и 1836 гг., а также языковые рекомендации М. Годры оказываются чрезвычайно важными для истории словацкого литературного языка, поскольку они демонстрируют объективный характер кодификации Людовита Штура (1815–1856) и его обращение именно к среднесловацкому диалекту (его северным говорам), элементы которого стихийно уже начали проникать в тексты как авторов-протестантов, так и католиков. При этом у протестантов непосредственно из среднесловацкого диалекта, тогда как у католиков, как правило, сквозь призму кодификации Бернолака. Замечу, однако, что в ряде случаев в северных говорах среднесловацкого диалекта представлены разные явления, поэтому Штуру пришлось подвернуть их селекции. Так, он не кодифицировал такие особенности фонетической системы некоторых среднесловацких говоров, как мягкое *l* и специфический гласный звук *ä*. Примечательно то, что оба эти звука фиксируются в языке альманаха *Zora*. Как уже показано выше, первый звук широко представлен в рассматриваемых текстах независимо от конфессиональной принадлежности авторов. Второй же звук употребляется только в текстах К. Шнелла. Ср. примеры:

<...> k lahodnějšimu kúpeli do kúpeľních <i>kádi</i> pripravovana bývá ⁸² .	<...> она бывает подготовлена для более приятного купания в купальных ваннах.
Mezy rozličnými rybami, které Blatoň chová, přede všemi Zubatica (Perca lucio-perca, Záhňfisch) svým chutným <i>másem</i> a svojou neobecnost'ou zmínku zasluhuje ⁸³ .	Среди разнообразных рыб, которые водятся в Балатоне, особого внимания заслуживает прежде всего судак (Perca lucio-perca, Zahnfish) из-за своего вкусного мяса и своей необычности.

Оба названных явления, однако, стали принадлежностью словацкого литературного языка вследствие его реформы 1852 г. Таким

⁷⁹ *Hamulják M.* Mikuláš Jurišič w Kiseĝu. S. 144.

⁸⁰ *Herkeľ J.* Préměna. S. 209.

⁸¹ *Ibid.* S. 212.

⁸² *Šnell K.* Pamatnosti Blatoňa. S. 249–250.

⁸³ *Ibid.* S. 245.

образом, тексты альманаха *Zora* в миниатюре отражают языковые процессы, протекавшие в языке словацкой письменности накануне появления нового литературного языка. Это подтверждается также тем, что в словацком литературном языке закрепились те (средне) словацкие особенности, которые представлены в альманахе *Zora* либо у протестантов, либо у католиков. Те же среднесловацкие особенности, которые были кодифицированы Штуром, но не были представлены в текстах ни тех, ни других, были выведены из его состава. К их числу относятся, например, формы ед. ч. им. и вин. пад. прилагательных ср. р. типа *dobruo*, формы род. и дат. пад. этих же прилагательных, а также прилагательных муж. р. типа *dobrieho*, *dobrietu*, причастия на *-l* муж. р. с билабиальным *v* в конце основы и др.⁸⁴

Таким образом, деятельность Общества любителей словацкого языка сыграла чрезвычайно важную роль в истории словацкого литературного языка, а издававшийся им альманах *Zora* помогает понять языковые процессы, протекавшие в это время в Словакии, и установить механизм последующего внесения изменений в шуруповскую кодификацию словацкого литературного языка.

Список исторических географических названий

Арва — ныне Орава в Словакии

Кашша — ныне Кошице в Словакии

Пресбург — ныне Братислава, в венгерской традиции Пожонь

Литература

- Горина 2018 — Горина М. М. Взгляды протестантов и католиков на кодификацию словацкого литературного языка Л. Штура // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 359–365.
- Лифанов 2000 — Лифанов К. В. Язык духовной литературы словацких католиков XVI–XVIII вв. и кодификация А. Бернолака. М.: Издательство Московского университета, 2000. 119 с.
- Šechvala 1970 — Šechvala M. Michal Godra a jeho účasť na almanachu Zora // Biografické štúdie. Martin: Matica slovenská, Biografický ústav, 1970. Vol. 1. S. 120–131.
- Dvončová 1971/1972 — Dvončová J. Príspevok k problematike česko-slovenského bilingvizmu // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity

⁸⁴ См. подр.: Горина 2018.

- Komenského. *Philologica*. Bratislava: Univerzita Komenského, 1970. Vol. 23–24. S. 338–341.
- Habovštiaková 1959 — *Habovštiaková K.* Bernolákova spisovná slovenčina v praxi (Rozbor Bernolákovej kázne) // *Jazykovedný časopis*. 1959. Vol. 10. Číslo 2. S. 151–162.
- Habovštiaková 1970 — *Habovštiaková K.* Almanach *Zora* z jazykového hľadiska // *Biografické štúdie*. Martin: Matica slovenská, Biografický ústav, 1970. Vol. 1. S. 95–105.
- Chovan 1970 — *Chovan J.* Martin Hamuljak a vývin spisovnej slovenčiny // *Biografické štúdie*. Martin: Matica slovenská, Biografický ústav, 1970. Vol. 1. S. 17–24.
- Käfer 1998 — *Käfer I.* Význam hlavného mesta v kultúre Slovákov // *Kultúrne dedičstvo budapeštianskych Slovákov. A budapesti szlovákok kulturális öröksége. Zborník materiálov vedeckej konferencie s medzinárodnou účasťou v Budapešti v roku 1997. Az 1997. évi budapesti nemzetközi konferencia szöveggyűteménye*. Budapest: Etnikum Kiadó, 1998. S. 35–40.
- Kiss 1998 — *Kiss Cs.G.* Pešť a Budín ako duchovné strediská Slovákov (1858–1868) // *Kultúrne dedičstvo budapeštianskych Slovákov. A budapesti szlovákok kulturális öröksége. Zborník materiálov vedeckej konferencie s medzinárodnou účasťou v Budapešti v roku 1997. Az 1997. évi budapesti nemzetközi konferencia szöveggyűteménye*. Budapest: Etnikum Kiadó, 1998. S. 25–30.
- Lifanov 2010 — *Lifanov K.* Almanach *Zora* a štúdium spisovnej slovenčiny // *Opera Slavica. Slavistické rozhľady. Jazykovedný sešit*. 2010. Vol. XX. Číslo 4. S. 34–42.
- Lifanov 2012 / 2013 — *Lifanov K.V.* Метаморфозы кодификации А. Бернолака // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2012/2013. Vol. 69. Heft 2. S. 247–280.
- Pauliny 1971 — *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1971. 136 s.
- Pavelek (prípr.) 1964 — Gramatické dielo Antona Bernoláka / Na na vydanie pripravil a preložil Juraj J. Pavelek. Bratislava: Vadavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964. 556 s.
- Sedláček 1993 — *Sedláček M.* K vývoji českého pravopisu. Část 1 // *Naše řeč*. 1993. Vol. 76. 1993. Č. 2. URL: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=7120> (дата обращения: 04.04.2020).
- Vyvítalová 1970 — *Vyvítalová M.* Spolok milovníkov reči slovenskej // *Biografické štúdie*. Martin: Matica slovenská, Biografický ústav, 1970. Vol. 1. S. 53–68.

References

- Čechvala, M., 1970. Michal Godra a jeho účasť na almanachu *Zora*. In: *Biografické štúdie*. Martin: Matica slovenská, Biografický ústav, 1, pp. 120–131.

- Chovan, J., 1970. Martin Hamuljak a vývin spisovnej slovenčiny. In: *Biografické štúdie*. Martin: Matica slovenská, Biografický ústav, 1, pp. 17–24.
- Dvončová, J., 1971/1972. Príspevok k problematike česko-slovenského bilingvizmu. *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica*, 23–24. Bratislava: Univerzita Komenského, pp. 338–341.
- Gorina, M. M., 2018. Vzgliady protestantov i katolikov na kodifikatsiiu slovatsko-go literaturnogo iazyka L. Shtura [Views of Protestants and Catholics on the codification of the Slovak literary language by L. Štúr]. *Filologija: nauchnye issledovaniia*, 4, pp. 359–365. (in Rus.)
- Habovštiaková, K., 1959. Bernolákova spisovná slovenčina v praxi (Rozbor Bernolákovej kázne). *Jazykovedný časopis*, 10, pp. 151–162.
- Habovštiaková, K., 1970. Almanach Zora z jazykového hľadiska. In: *Biografické štúdie*. Martin: Matica slovenská, Biografický ústav, 1, pp. 95–105.
- Käfer, I., 1998. Význam hlavného mesta v kultúre Slovákov. In: *Kultúrne dedičstvo budapeštianskych Slovákov. A budapesti szlovákok kulturális öröksége. Zborník materiálov vedeckej konferencie s medzinárodnou účasťou v Budapešti v roku 1997. Az 1997. évi budapesti nemzetközi konferencia szöveggyűteménye*. Budapest: Etnikum Kiadó, pp. 35–40.
- Kiss, Cs.G., 1998. Pešť a Budín ako duchovné strediská Slovákov (1858–1868). In: *Kultúrne dedičstvo budapeštianskych Slovákov. A budapesti szlovákok kulturális öröksége. Zborník materiálov vedeckej konferencie s medzinárodnou účasťou v Budapešti v roku 1997. Az 1997. évi budapesti nemzetközi konferencia szöveggyűteménye*. Budapest: Etnikum Kiadó, pp. 25–30.
- Lifanov, K. V., 2000. *Iazyk dukhovnoi literatury slovatskikh katolikov XVI–XVIII vv. i kodifikatsiia A. Bernolaka* [The language of ecclesiastical literature of Slovak Catholics of from the sixteenth to the eighteenth century and codification of A. Bernolák's codification]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 119 p. (in Rus.)
- Lifanov, K., 2010. Almanach Zora a štúdium spisovnej slovenčiny. *Opera Slavica. Slavistické rozhledy. Jazykovedný sešit*, 4, pp. 34–42.
- Lifanov, K. V., 2012/2013. Metamorfozy kodifikatsii A. Bernolaka [Metamorphoses of A. Bernolák's codification]. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 69, 1, pp. 247–280. (in Rus.)
- Paulíny, E., 1971. *Dejiny spisovnej slovenčiny*. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 136 p.
- Pavelek, J., ed., 1964. *Gramatické dielo Antona Bernoláka*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 556 p.
- Sedláček, M., 1993. K vývoji českého pravopisu. Část 1. *Naše řeč*, 76, 2. URL: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=7120> (accessed: 04.04.2020).
- Vyvíjalová, M., 1970. Spolok milovníkov reči slovenskej. In: *Biografické štúdie*, 1. Martin: Matica slovenská, Biografický ústav, pp. 53–68.

Konstantin V. Lifanov

DSc. Professor, Chair of Slavic Philology, Philological Faculty,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. 119991,
Leninskie Gory, 1, bldg. 51. E-mail: lifanov@hotmail.com

Almanac *Zora* as a harbinger of a new codification of the Slovak literary language

This article examines the history of the creation of the “Society of Slovak Language and Literature Lovers” which existed in Buda and Pest from 1834 to 1850, as well as the language of the almanac *Zora*, which was the first publication that simultaneously printed texts in the Czech language and the Anton Bernolák literary language. The first two issues of this publication (1835, 1836) indicate the beginning of a rapprochement in the language of Catholics and Protestants, as shown by the active inclusion of elements of Central Slovak origin in the texts. At the same time, Michal Godra, the editor of the first two issues, even published language recommendations to the authors, which could be considered a pre-codification of the new Slovak literary language based on the Central Slovak dialect. Comparison of the language used by Protestant and Catholic authors shows that they used different strategies when the language was Slovakised. If the Protestants addressed the Central Slovak dialect directly, although preserving some Czech elements which were lost in Slovak writing, the Catholics mainly followed Bernolák’s codification using – in a number of cases – elements which were virtually absent in his literary language. The linguistic material of the almanac *Zora* reveals the reasons for Ludovít Štúr’s codification: the reformer based his system exclusively on the Northern idioms of the Central Slovak dialect, ignoring actual language use. Compromise between the Catholics and Protestants was reached in 1852, when the Slovak literary language was enriched by Central Slovak peculiarities characteristic of either Catholics or Protestants. All the elements of Central Slovak origin which were unused by either Protestants or Catholics, but were present in Štúr’s codification, were removed from the literary language.

Keywords: Anton Bernolák literary language, codification, Czech literary language, confession, reform, basis of literary language, Central Slovak dialect

How to cite: Lifanov, K. V., 2021. Al’manakh *Zora* kak predvestnik novoi kodifikatsii slovatskogo literaturnogo iazyka. *Tsentral’noevropeiskie issledovania*, 2020, 3(12), pp. 288–307. doi: 10.31168/2619-0877.2020.3.13